



© 2001 г. Л.В. СОБОЛЕВ

## ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА РОДА КНЯЗЕЙ ОСТРОЖСКИХ

Представители рода князей Острожских на протяжении XIV–начала XVII в. играли значительную роль в истории южнорусских земель (Волини и Киевщины), входивших в этот период в состав сначала Великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой. К началу XVI в. Острожские занимали в этом регионе исключительное, как по своему богатству, так и по политическому и духовному влиянию, положение, что вызвало обоснованный интерес к их деятельности среди обширного круга исследователей. Наибольшее внимание традиционно привлекает личность князя Константина-Василия Острожского (1526/27–1608), самой, пожалуй, крупной, сложной и противоречивой фигуры в истории южнорусских земель XVI–начала XVII в.

Активное участие, которое кн. К. Острожский принимал практически во всех событиях своего времени, и прежде всего его роль в истории подготовки и проведения Брестской унии 1596 г., а затем борьбы с ней, привлекали пристальное внимание современников, видевших непоследовательность его действий, а также неопределенность (для одних – православных – мнимую, для представителей других конфессий – практически несомненную) в конфессиональном отношении. Однако все эти противоречия были затушеваны занявшей последнее десятилетие жизни князя Константина-Василия борьбой с унией, которая словно заслонила собой всю предшествующую деятельность князя, создавая прошедший практически неизменным сквозь века застывший образ сложившегося политического деятеля, лидера православного населения южнорусских земель Речи Посполитой, защитника и покровителя православной церкви, богатейшего магната, положившего немало сил на ниве просвещения своего народа. Именно от этого стереотипного (и, собственно, во многом справедливого для последней четверти XVI–начала XVII в.) образа отталкивались позднейшие историки, изучая и оценивая деятельность князя. Образ этот механически прилагался (а часто прилагается и сегодня) ко всем периодам жизни князя: словно всегда он был "богатеишим", "лидером", "покровителем и защитником" и – "старым"<sup>1</sup>.

В связи с тем значением, которое кн. К. Острожский играл в истории интересующего нас региона, представляется необходимым более внимательно присмотреться к раннему этапу его деятельности, а именно к периоду до начала 80-х годов XVI в. Именно к этому времени, как нам представляется, завершается процесс утверждения князя в роли политического лидера православного населения южно-

Соболев Леонид Владимирович – аспирант Исторического факультета МГУ.

<sup>1</sup> "Рекорд" в этом отношении поставил П. Кулиш, когда, описывая события 1553 г., сказал о примерно 27–28-летнем Острожском "почти старик" [1. С. 267].

русских земель Речи Посполитой и, с другой стороны, происходит постепенное выдвижение его на роль духовного лидера, в каком-то качестве Острожский уже несомненно выступает в 90-е годы XVI в.

В литературе давно отмечается, что в жизни средневекового общества значительную роль традиционно играли генеалогические легенды, обосновывавшие право представителей правящих кругов на исключительность [2]. В связи с этим одной из важных составляющих, поддерживающих претензии Острожского на политическое и духовное лидерство, должно было стать идеологическое обоснование исключительного положения его рода среди других волыньских княжеских семейств, игравших определенную роль в жизни региона. Поэтому представляется весьма актуальным более подробно остановиться на рассмотрении генеалогической легенды рода Острожских, возводящей их к "королю Руси" Даниилу Романовичу Галицкому и стоящей поэтому совершенно обособленно среди других волыньских князей, восходящих в большинстве своем к великому князю литовскому Гедимину.

Вопрос о происхождении рода князей Острожских привлекал внимание историков XIX в. Так, М.А. Максимович выдвинул версию о происхождении Острожских от турово-пинских Рюриковичей [3. С. 4], которую на тот момент поддержало большинство специалистов по литовско-русской генеалогии [4]. В то же время ряд исследователей выступили в поддержку традиционной, нашедшей отражение в источниках XVI в. версии происхождения Острожских от сына Даниила Галицкого Романа [5; 6]. Расходясь в деталях, все эти авторы, однако, не ставили под сомнение сам факт принадлежности Острожских к Рюриковичам. Между тем в начале XX в. польский историк Ю. Пузына предположил, что князья Острожские были потомками Наримунта Гедиминовича, подчинившего Турово-Пинскую землю в начале XIV в. Соответственно первый документально подтвержденный представитель рода князей из Острога Даниил (Данило) был внуком Наримунта [7]. Аргументы Ю. Пузыны встретили ряд возражений со стороны таких крупных специалистов, как З.Л. Радзиньский, А. Прохаска и В. Семкович [8]. В исследованиях последних лет мнения также разделились. Так, Н.Н. Яковенко высказалась в поддержку версии Ю. Пузыны [9. С. 89], Л. Войтович попытался объединить версии о происхождении Острожских от Даниила Галицкого и от турово-пинских Изяславичей [10. С. 125–126], а Т. Кемпа поддержал традиционную версию, связывающую Острожских с Галицко-Волыньскими князьями [11. S. 14].

Этот, далеко не полный, очерк историографии вопроса достаточно четко свидетельствует, как представляется, о том, что ни одному из авторов не удалось найти убедительных аргументов в поддержку своей точки зрения, и вопрос о происхождении князей Острожских остается открытым вплоть до находки какого-либо нового источника, который бы склонил чашу весов в пользу одной из версий. Поэтому сейчас о бытовавшей в XVI в. родословной Острожских можно говорить именно как о генеалогической легенде.

Первое известное нам упоминание о происхождении Острожских содержится в изданном в 1574 г. в Болонье труде Я. Красинского "Польша", рассчитанном прежде всего на западноевропейского читателя. Достаточно кратко описывая коронную Русь, автор посчитал необходимым упомянуть кн. Константина-Василия Острожского. По словам Красинского, это "муж, полный великих достоинств и опытный в военном искусстве, который выводит свой блестящий род от старых киевских княжат, некогда господ всей Руси" [12. S. 112]. Вообще, сама по себе знатность Острожских была в те времена, вероятно, общепризнанной. Об этом могут свидетельствовать и написанные в 1577 г. слова П. Скарги, для которого кн. К.-В. Острожский был "первым в этом Греческом законе, и родом великих предков своих (курсив мой. – Л.С.), и вниманием к делам Божиим, и славой добродетелей и богатством великим от Бога одаренный" [13. Стб. 230].

Первые же конкретные сведения о происхождении князей Острожских содержатся в трудах Б. Папроцкого и М. Стрыйковского.

Рассмотрим сначала геральдический труд Б. Папроцкого, опубликованный в Кракове в 1578 г. [14]. В этой книге автор поместил данные о гербах, а к ним очень скудные сведения о некоторых родах. В число последних попали и Острожские. Помимо двух панегириков этому княжескому роду, Папроцкий попытался представить родословную Острожских, начиная ее с Рюрика и его братьев. Попытка эта оказалась неудачной: невероятная путаница в именах и названиях выявила полное незнание автором русской истории и ее деятелей. В то же время Папроцкий впервые "правильно" назвал первого "острожского князя", который впоследствии прочно занял место в генеалогических трудах. Им оказался Владимиро-Волынский князь Давид Игоревич (по Папроцкому – в этом издании – Всеволодович), у которого, по словам автора, было "отнято Русское Княжество, даны ему Острог, Любин, Дрогобуж, Чарторыск, Пожеско, в Етычах на Сеймике" [14. S. 208]. Неясно, каким письменным источником пользовался в данном случае Папроцкий. В целом отрывок был написан явно поспешно: вероятно, в исторических текстах было найдено первое упоминание об Остроге, и связанный с ним князь был объявлен родоначальником Острожских. При этом Папроцкий не имел данных, которые позволили бы ему представить сколько-нибудь последовательную генеалогическую линию: так, хотя он называет ряд якобы потомков Давида Смоленского (по Папроцкому – Острожского и Заславского) князя Мстислава Давидовича, Заслава Мстиславича и Мстислава Заславича, Даниил Острожский также оказывается "сыном Давидовым" [14. S. 208].

Несравнимо более обстоятельным, написанным – в интересующем нас фрагменте – на основе "Хроники" М. Кромера, является следующий историко-геральдический труд Б. Папроцкого, изданный в Кракове в 1584 г. [15]. Труд этот отличался от предыдущего как большим объемом, так и значительно более старательной обработкой, основанной на использовании не только нарративных, но также документальных и иных источников [16. S. 179]. В этом случае Папроцкому удалось представить внешне достаточно стройную и полную, хотя по-прежнему механически составленную и ошибочную в деталях, родословную Острожских. Начинается она вновь с князя Давида Игоревича (у Папроцкого он назван теперь "Григорьевичем"<sup>2</sup>), причем обстоятельства Витичевского съезда ("сейма") князей 1100 г. (датированного автором 1099 г.) описаны значительно точнее: вместо "Русского княжества" говорится о "Владимирском и Волынском", в списке городов, полученных Давидом, название Любин исправлено на Дубин, само место проведения съезда вместо "Етыч" названо "Ветичами" [15. S. 448]. И если в первой работе Давид оказался отцом Даниила Острожского, то теперь между ними была помещена длинная роспись князей, вновь механически сочетавшая не имевших отношения к Давиду Игоревичу Мстислава Давидовича и двух Мстиславов Мстиславичей, за которыми шел Галицко-Волынский князь Роман Мстиславич (на самом деле бывший сыном Мстислава Изяславича). Далее Папроцкий допустил нелепую ошибку, назвав сына Романа, князя Даниила Галицкого, его братом. Г.А. Власьев, указав, что источники, которыми пользовался Папроцкий (т.е. Кромер), прекрасно знали, что Даниил был сыном Романа, справедливо, на наш взгляд, предложил считать это случайной опiskой автора или типографской ошибкой [6. С. 14]. Далее Папроцкий говорит, что "король русский" Даниил оставил двух сыновей, Льва и Романа, у Романа же был сын Василько – "князь острожский"<sup>3</sup>. Сыном этого неизвестного другим источникам Василька, по Папроцкому, и был Даниил Острожский [15. S. 448].

<sup>2</sup> Так его называет уже Я. Длугош [17. P. 180].

<sup>3</sup> Необходимо отметить, что ошибка Папроцкого, назвавшего Даниила "братом" Романа Мстиславича, вызвала путаницу в понимании родословия Острожских. Так, последующие интерпретаторы, начиная с К. Несецкого [18] неверно идентифицировали внука Даниила Василька Романовича с одноименным братом "короля Руси", Владимиро-Волынским князем [18. S. 177]. Это обстоятельство подробно разобрал еще Г.А. Власьев [6. С. 15], однако и в некоторых новейших работах встречается путаница с двумя Васильками Романовичами (см., например: [11. S. 12]).

Однако первенство в данном вопросе среди польских авторов принадлежит М. Стрыйковскому, который, впрочем, также не сразу пришел к выводу о происхождении Острожских из династии Галицко-Волынских Мономаховичей, да и придерживался его не очень последовательно. Тема эта подробно представлена уже в первом крупном труде, своеобразной поэме-хронике, Стрыйковского, посвященной истории Великого княжества Литовского [19], которая была написана (или как минимум доработана) при дворе кн. Юрия Юрьевича Слуцкого в 1576–1578 гг. [20. S. 194]. Для автора несомненна принадлежность рода к Рюриковичам, но выводится он от некоего "киевского монарха" Дмитра, бежавшего после Батыева нашествия (датированного автором 1211 г.) из Киева через Чернигов в Друцк и основавшего династию друцких князей, из которой, собственно, и вышли князья Острожские и Заславские, а также Соколинские и Бабичи [19. S. 167–168]. Уверенность Стрыйковского в этой схеме столь велика, что всякое упоминание свое об Острожских он сопровождает указанием на их происхождение от Друцких князей [19. S. 377, 506, 555]. Отметим, что в тексте также присутствует князь Давид "Григорьевич": подробно описан "вальный сейм" в "Виетьщах" (Wijetyszczach), где Давид получил Острог и "Дубин", "которые теперь князь Василий Константинович (т.е. кн. К. Острожский. – Л.С.), из киевских монархов князь, держит". Но никакой родственной связи между Давидом и Острожскими автор не отмечает: для него это пока лишь свидетельство "древности Острога ... и княжат тех краев" [19. S. 108].

Эта работа Стрыйковского не была опубликована при жизни автора. Вместо нее в 1582 г. в Кенигсберге была издана "Хроника", предмет которой был значительно шире – это история всего восточноевропейского региона [21]. Вопрос о происхождении Острожских в "Хронике" также освещен весьма подробно: представлены одна основная и несколько случайных версий. Так, в первом томе "Хроники" Стрыйковский много говорит о происхождении Острожских из династии Галицко-Волынских Мономаховичей. Впрочем, первым острожским князем, как и у Папроцкого, оказывается не имевший отношения к Мономаховичам Давид "Григорьевич". При этом сам эпизод со съездом в "Ветицах" был автором несколько отредактирован: после имени Острожского было изъято упоминание о его происхождении "из киевских монархов", а на полях было помещено уточнение: "Дубин теперь будто бы Дубном зовут", выражавшее как будто некоторое сомнение самого автора в правильности такой идентификации [21. Т. I. S. 179]<sup>4</sup>. Предком Острожских князь Давид в данном случае прямо не назван (более того, согласно замечанию на полях, этим предком оказывается князь Василько Ростиславич, ослепленный при участии того же Давида) [21. Т. I. S. 177]. Впрочем, говоря во втором томе о князьях Заславских (о родстве которых с Острожскими автор прекрасно знал), Стрыйковский косвенно исправляет эту ошибку, все же назвав Давида их предком<sup>5</sup>. А следующим – и основным – прародителем Острожских и Заславских становится у хрониста уже "монарх и царь всей Руси" Даниил Галицкий. Эта версия проводится автором наиболее последовательно, по сравнению, конечно, с остальными: значительную часть упоминаний о Данииле Стрыйковский сопровождает (в тексте или на полях) фразой "княжат Острожских предок" [21. Т. I. S. 228, 286, 291, 303]. Так же оформлены упоминания и о сыновьях Даниила Льве и Романе [21. Т. I. S. 306, 321].

Впрочем, и эту схему Стрыйковский нарушает, на тех же страницах называя предками Острожских князей Семена Михайловича Друцкого и Давида Мстиславича Луцкого [21. Т. I. S. 249]. Отметим, что связь этого друцкого князя с Дмитрием Друцким из поэмы-хроники не прослеживается.

Вообще, очень обширный рифмованный отрывок о Дмитре, содержащийся в труде "О началах", Стрыйковским из "Хроники" был изъят, как сам он объясняет, по

<sup>4</sup> Город Дубно наряду с Острогом был одной из главных резиденций кн. К. Острожского на Волыни.

<sup>5</sup> Стрыйковский упоминает об отличии литовского Заслава (с его князьями Евнутовичами) от Волынского, князя которого выводится "от Владимира и Ярослава, Киевских монархов, и от Давида Григорьевича, князя Владимирского, их потомка, о чем выше в Хронике Литовской" [21. Т. II. S. 3].

причине недостоверности использованных им тогда литовских летописей<sup>6</sup>. Соответственно, в первом томе не упоминается и о происхождении Острожских из династии друцких князей (если не считать приведенного выше неясного упоминания о Семене Михайловиче Друцком). О сознательном отходе от "друцкой версии" свидетельствует и новая редакция отрывка о Витичевском съезде. Положение меняется во втором томе: здесь автор вновь возвращается к своей старой версии; впрочем, в данном случае речь идет о простом заимствовании им (с очень незначительной правкой) соответствующих отрывков из поэмы-хроники "О началах" (ср. [19. S. 377, 508, 554–555; 21. Т. II. S. 159–160, 281, 305]).

Таким образом, анализ данных "Хроники" показывает, что Стрыйковский, с одной стороны, поместил в ней новую для себя версию о происхождении Острожских от Галицко-Волынских Мономаховичей, а с другой – вроде бы сохранил противоречащую ей старую версию о друцкой линии Острожских (остальные упоминания об их происхождении носят случайный характер и не получили развития). В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о возможных источниках, которыми пользовался автор.

Вопрос этот очень сложен, и предположительное решение его возможно лишь на основе анализа косвенных данных. Относительно традиции о происхождении Острожских от Дмитра Друцкого мы можем предложить две версии: эти сведения Стрыйковский мог получить или из какой-то недошедшей до нашего времени летописи или во время своего пребывания в Слуцке.

Мы уже упоминали о том, что Стрыйковский, говоря о Дмитре, ссылается на "литовские летописцы". Действительно, легенда о "великом князе Киевском" Дмитре отражена во всех известных сегодня белорусско-литовских летописях, содержащих легендарную часть. При этом, несмотря на определенные различия между летописями в целом, текст о Дмитре в них практически дословно совпадает и не содержит никакого намека на возможную связь этого героя с Острожскими (см.: [22. Т. 32. С. 130; Т. 35. С. 129, 146, 174, 194, 215]). В то же время известно, что Стрыйковский в своей работе использовал и летописи, несколько отличающиеся от известных ныне [23. С. 128–129]. Н.Н. Улащик полагает, что чаще всего хронист опирался на так называемую "Берестовицкую летопись" [24. С. 129], которая была получена им в литовском имении князей Заславских Большая Берестовица [21. Т. I. S. 56, 288]. Речь идет о сыновьях кн. Януша Кузьмича Заславского Михаиле и Януше, за право опеки над которыми кн. К. Острожский вел в 60-х годах XVI в. упорную борьбу с Г.А. Ходкевичем. Несмотря на отсутствие вставки об Острожских в других летописях, нельзя исключить возможности того, что летопись Заславских содержала именно такой вариант легенды. Тогда можно было бы говорить о том, что легенда о происхождении Острожских и Заславских от Дмитра сформировалась непосредственно в кругу князей Заславских и, следовательно, могла быть известна и их ближайшим родственникам. Впрочем, отсутствие доказательств оставляет этот вопрос открытым. Поэтому мы перейдем к рассмотрению другого возможного источника информации Стрыйковского.

Как уже говорилось выше, свою поэму-хронику "О началах" хронист создавал при дворе кн. Юрия Юрьевича Слуцкого в 1576–1578 гг. Князь Юрий был двоюродным братом кн. Константина-Василия Острожского и поддерживал с последним достаточно тесные контакты. Первые известные нам сведения об этих контактах относятся к началу 1570-х годов (а точнее, к весне 1572 г.)<sup>7</sup>. Во время бескоронный князя согласованно выступали на политической арене, образуя обособленную, независимую от остальных литовских магнатов группировку<sup>8</sup>. Добрые отношения сохранялись

<sup>6</sup> О своих источниках автор говорит: "Latopiszce Litewskie stare, bez dowodu slusznego spisane, (gdyż w on czas ludzi dowcipnych nie mieli)" [21. Т. I. S. 229].

<sup>7</sup> 20 апреля 1572 г. на заседании сейма кн. К. Острожский от имени своего "брата" кн. Ю.Ю. Слуцкого потребовал для последнего места в сенате [25. № 170. S. 392].

<sup>8</sup> См., например: донесение венецианского посла И. Липомано [11. S. 68–69; 26. S. 265].

между братьями вплоть до смерти кн. Слуцкого в конце 1578 г.<sup>9</sup> Таким образом, можно говорить о том, что в то время, когда Стрыйковский создавал свою поэму-хронику, князья Ю. Слуцкий и К. Острожский находились в тесном общении друг с другом.

Юрий Слуцкий, столь высоко чтивший свои собственные династические права, скорее всего знал родословную своего двоюродного брата. Известно, что князь был возможным инициатором исторических исследований Стрыйковского; более того, он не только предоставил хронисту возможность пользоваться своими книжными собраниями, но и сам рассказывал ему о некоторых событиях прошлого [20. S. 131–132]. От него же (или от кого-то из его окружения) Стрыйковский мог получить и данные, связывающие Острожских с Друцкими князьями. Данная гипотеза также нуждается в дополнительных доказательствах; более тщательного изучения требует и роль кн. Ю.Ю. Слуцкого в процессе подготовки Стрыйковским своей поэмы-хроники.

Столь же сложен вопрос и о мотивах, которыми руководствовался Стрыйковский, вводя в текст "Хроники" новую версию о происхождении Острожских. Прежде всего необходимо определить, вторична ли эта версия по отношению к версии поэмы-хроники. З. Войтковяк, основываясь на ряде отрывков из произведений хрониста, пришел к выводу, что труды "О началах" и "Хроника" создавались параллельно на основе гипотетической "Истории Литвы": первый в 1571–1578 г., второй – в 1574–1581 гг., и поэтому нельзя говорить о поэме-хронике как о первой редакции кенигсбергского издания [20. S. 209–210]. В то же время исследователь вынужден признать, что «по крайней мере частично труд, напечатанный в 1582 г., был исправленной версией работы "О началах"» [20. S. 202]. В нашем случае как раз и нужно говорить о таком исправлении. Касается оно именно версии о "друцком происхождении" Острожских: в "Хронике" Стрыйковский изымает рассказ о Дмитре, указывая на недостоверность повествующих о нем источников. Сохранение же во втором томе остатков "друцкой версии" можно объяснить спешкой автора при подготовке печатного издания или его невнимательностью.

Итак, в период с 1578 по 1581 г. Стрыйковский изменил свое отношение к вопросу о происхождении Острожских. В случае с Давидом Игоревичем это можно объяснить влиянием труда Б. Папроцкого "Гнездо добродетели": узнав о новой версии, Стрыйковский механически внес ее в свой текст, выразив в то же время как будто некоторое сомнение в ее достоверности. Более сложен вопрос об источниках, в которых Острожские генеалогически связывались с Даниилом Галицким. Мы можем предложить следующую гипотезу. Как известно, в "Хронике" Стрыйковского отдельные разделы и подразделы посвящены представителям правящей элиты Великого княжества Литовского. Среди них оказались и двое Острожских – князь Константин-Василий и его старший сын Януш. Как справедливо отмечает З. Войтковяк, бессистемный на первый взгляд список адресатов должен иметь какое-то объяснение. Таким объяснением, по мнению исследователя, может стать материальное участие этих лиц в подготовке дорогостоящего кенигсбергского издания [20. S. 142]. Отметим, что посвящения Острожским помещены как раз в тех разделах, где говорится об их происхождении. Приняв гипотезу Войтковяка в качестве рабочей, можно пойти дальше и попытаться найти связующее звено между Острожскими и Стрыйковским. В "Хронике" ее автор упоминает о некоем "докторе Греке Палеологе", показывавшем ему изображение литовского языческого идола [21. Т. I. S. 142–143]. З. Войтковяк идентифицирует этого "доктора" с крупным деятелем реформации Якубом Палеологом с Хиоса, который мог быть знаком с Стрыйковским через Ш. Будного [20. S. 102]. Мы, в свою очередь, можем предложить иную версию: речь может идти об известном Дионисии Палеологе-Ралли, привезшим в 1578–1579 гг. в Острог из Рима список

<sup>9</sup> Так, Острожский, получив письмо от "пана брата моего милого", прибыл в Слуцк, чтобы узнать о его здоровье, за день до смерти кн. Юрия, а позднее планировал приехать на его похороны (см. письмо кн. К.-В. Острожского К. Радзивиллу Перуну из Нового Двора от 14 ноября 1578 г. в: [27. S. 20]).

"Библии" и в дальнейшем в течение ряда лет близким к Константину-Василию и Янушу Острожским (о нем см.: [28. С. 107]).

Теперь рассмотрим возможные источники информации Б. Папроцкого. Отметим, что ряд данных свидетельствует о возможности контактов Папроцкого с кругом Острожских, причем эти контакты могли иметь место и в обширных малопольских владениях последних, и на самой Волыни. Так, обращает на себя внимание то, что Папроцкому в малейших деталях известны события осады в 1577 г. татарами принадлежавшего кн. К.-В. Острожскому г. Дубно. Наш автор знает не только урядников Острожского, но называет по именам даже семерых казаков, как спасшихся, так и погибших в одном из боев, хорошо осведомлен и в топографии местности, где происходили военные действия [15. S. 450–452]. Скорее всего, Папроцкий сам был непосредственным свидетелем этих событий. При этом обращает на себя внимание то, что о происхождении Острожских от Даниила Галицкого он тогда еще не знал, иначе это нашло бы отражение на страницах вышедшего годом позже "Гнезда добродетели". Работая же над "Гербами", Папроцкий мог использовать и вышедшую на два года раньше, несомненно известную ему "Хронику" Стрыйковского<sup>10</sup>. При этом в любом случае он либо сам, либо на основании какой-то новой устной информации существенно доработал версию о происхождении Острожских от Галицко-Волыньских князей, создав внешне как бы "полную" поколенную роспись рода.

Текст Папроцкого послужил позднее основой для соответствующего отрывка из "Хроники земли Русской" А. Гваньини, впервые изданной в Кракове в 1611 г. [29]. Полностью заимствовав генеалогию Острожских и повторив ошибку, связанную с родством Романа Мстиславича и Даниила Романовича, Гваньини в то же время существенно расширил текст, снабдив его обширными, неинтересными впрочем для нас, дополнениями о ряде персонажей. Некоторые любопытные данные содержатся лишь при описании событий XVI вв.

Теперь посмотрим, что говорилось о происхождении Острожских в трудах православных (или вышедших из православной среды) авторов. Отметим, что в написанной в самом начале XVI в. так называемой Волынской краткой летописи о происхождении ее главного героя – кн. Константина Ивановича Острожского – ничего не говорится, при том, что в пространном восхвалении он сравнивается даже с античными героями [22. Т. 35. С. 125–127]. Первое же известное нам упоминание о принадлежности Острожских к Рюриковичам, вышедшее из круга православных книжников, содержится в рифмованной части предисловия Г.Д. Смотрицкого к изданной в 1581 г. в Остроге Библии [30. Л. 7–7об.]. Автор предисловия, осуществлявший научное редактирование издания, со второй половины 70-х годов XVI в. входил в число самых приближенных к кн. Константину-Василию Острожскому лиц [28. С. 111]. Таким образом этот источник сведений уже несомненно относится к кругу Острожских. Автор не ставил перед собой цели проследить генеалогическую линию своего патрона, поэтому он ограничился констатацией происхождения Острожских от "праотца" Владимира Святого и Ярослава Мудрого. Такая же констатация содержится в письме И. Потия, написанного кн. Острожскому 3 июня 1598 г. [31. Т. XIX. Стб. 299]. В то же время в завершенной к 1621 г. "Палинодии" З. Копыстенского уже прямо говорится о происхождении Острожских от Владимира и Даниила Галицкого; князь Константин Василий для Копыстенского – "первый межи княжаты Роскими" [31. Т. IV. Стб. 1135]. Это четко свидетельствует о том, что легенда получила утверждение и в православной среде.

Подытожим произведенный нами анализ двух ранних произведений Б. Папроцкого и М. Стрыйковского: он показывает, что к 1578 г. окончательного варианта легенды о происхождении Острожских еще не существовало. При этом необходимо отметить, что определенно признавалась принадлежность этого княжеского рода к династии

<sup>10</sup> Об этом может свидетельствовать, в частности, повторение Папроцким, вслед за Стрыйковским, названия "Ветицы" (вместо "Етычи"). Напомним, что в труде "О началах" сам Стрыйковский еще использовал форму "Виетычи".

Рюриковичей. В то же время представленные у Стрыйковского и Папроцкого версии о мифическом Дмитре и замешанном в преступлении представителе младшей ветви потомков Ярослава Мудрого Давиде Игоревиче были для Острожских мало приемлемыми. Поэтому идет процесс поиска для Острожских подходящих, достойных их высокого положения в обществе, прародителей. Как для читателей польских хроник, так и для православного населения южнорусских земель наиболее известным представителем династии Рюриковичей был Даниил Галицкий, получивший королевскую корону из рук легата римского папы. Появление версии о происхождении Острожских от "короля Руси", которое мы видим в работах авторов начала 80-х годов XVI в., свидетельствовало о резком повышении "статуса" предков этого княжеского рода и обеспечивало Острожским самое почетное положение среди Рюриковичей.

Таким образом, формирование этой, несомненно, вторичной по отношению к первоначальным изысканиям Папроцкого и Стрыйковского легенды можно отнести к периоду 1578/1579–1581 гг. Можно также с большой долей вероятности утверждать, что в создании подобной генеалогической легенды были заинтересованы сами Острожские, и прежде всего князь Константин-Василий. Рассмотрим теперь тот исторический контекст, на фоне которого происходило формирование генеалогической легенды рода Острожских.

Отправным моментом следует считать события 1569 г., когда в результате заключения Люблинской унии была создана "Республика двух народов", окончательно объединившая, хотя и с сохранением внутренней автономии, Польское королевство и Великое княжество Литовское. Для нашей темы особое значение здесь имеет то, что в рамках нового государственного образования фактически выделилась третья его составная часть – "русские земли", ранее составлявшие разрозненные полуавтономные области Великого княжества, а теперь объединенные в составе Короны в единое целое благодаря праву на собственное судопроизводство и русский административный язык, т.е., используя определение Н.Н. Яковенко, "культурно-административной автономией" [9. С. 268]<sup>11</sup>. Проникновение польского элемента на эту территорию к концу 60-х годов XVI в. было еще очень незначительным, а литовские магнаты, в связи с переходом этих земель к Короне, потеряли прежние мощные рычаги влияния. Благодаря этому единственной крупной реальной силой, освященной вековой традицией и обладавшей огромными материальными ресурсами, становились волынские князья, уже занимавшие к тому времени практически все важнейшие местные административные должности. Первым среди них, согласно сенатской иерархии, был киевский воевода, получивший почетное четырнадцатое место среди светских сенаторов [25, № 152. S. 373–375]. Фактически, кн. К. Острожский, уже на протяжении 60-х годов XVI в. выдвинувшийся на лидирующие позиции в южнорусских землях Великого княжества и на Люблинском сейме воспринимавшийся поляками основным представителем населения этих территорий, теперь официально становился первым сенатором "русских земель" Польского королевства.

Однако материальные ресурсы князя Константина-Василия были ограничены рамками доставшейся ему части острожского наследства, проблему объединения которого еще нужно было решить. Пока же важным шагом на пути постепенного превращения киевского воеводы в богатейшего магната Речи Посполитой стало успешное завершение в 1571 г. борьбы за наследство Я. Тарновского, принесшее князю крупнейшее на тот момент магнатское владение в Короне и существенно укрепившее его положение. Следствием этого было создание окончательного варианта герба князей Острожских, того варианта, который появился в изданиях острожской типографии (Азбуки 1578 г., Псалтыри 1580 г. и Библии 1581 г.) и в эти же годы нашел свое отражение на страницах трудов Папроцкого. Последний свидетельствует, что этот герб был пожалован князю Константину-Василию "польскими королями" "в недавние

<sup>11</sup> Старую "Коронную Русь", в значительной степени полонизированную, к этой "русской автономии" отнести не следует.



времена", после присоединения "русских земель" к Короне [14. S. 206], т.е. в период после Люблинской унии 1569 г. До этого герб, вероятно, при кн. К.И. Острожском объединял изображение "мужа на коне, а он дракона бьет" (т.е. Ездца или св. Георгия) и литовскую Погоню (а к ней "крест на месяце, а над ним шапка княжеская")<sup>12</sup>; затем в результате брака в 1539 г. кн. И.К. Острожского с Б. Костелецкой появилось изображение герба польского рода Огоньчиков. Вследствие же брака с С. Тарновской киевский воевода придал своему гербу его окончательный вид, добавив к нему герб польского рода Лелива, объединенный с гербом Огоньчиков в одном поле. Таким образом, новый герб сочетал в себе элементы гербов правящих династий Российского государства (и, шире, Рюриковичей), Великого княжества Литовского (Гедиминовичей) и двух знатнейших польских родов. Для современников это должно было стать неопровержимым "документальным" свидетельством древности, знатности и могущества княжеского рода. Для нас же важно также то, что по крайней мере при отце киевского воеводы князе Константине Ивановиче, Острожские, вероятно, уже использовали в качестве герба изображение Ездца (св. Георгия).

Возвращаясь к характеристике деятельности Острожского, необходимо отметить, что приобретение огромных владений на территории собственно Польши не привело к перемещению политических интересов князя. Напротив, основное внимание Острожский уделял Волыни и Киевщине. Об этом говорит и та довольно ограниченная роль, которую Острожский играл в событиях первого бескоролья. Похоже, что киевский воевода, как и другие волынские князья, к этому моменту еще не осознал до конца значения происшедших в расстановке сил перемен. Свидетельством этого является подпись Острожского под обращением весной 1573 г. сенаторов Волынского, Брацлавского и Киевского воеводств к французским послам с просьбой о возвращении этих земель в состав Великого княжества Литовского [32. С. 68]. Однако уже через год, весной 1574 г., Острожский изменяет свою позицию и резко выступает против подобных планов литовских магнатов [33. S. 262]. Это был весьма знаменательный шаг, если принять во внимание, что на протяжении 50–60-х годов XVI в. князь твердо следовал в русле политики Радзивиллов. Теперь же можно, вероятно, говорить о том, что правящая элита южнорусских земель (по крайней мере в лице ее наиболее значительного представителя) уже убедилась в выгодах нового положения и не намерена была делиться властью в регионе со старыми его "хозяевами" – литовскими магнатами (прежде всего Радзивиллами и Ходкевичами, которые в прежние времена обладали огромным влиянием в среде местных волынских князей).

Несмотря на свою относительную пассивность в этот период, Острожский в глазах современников уже выступал в качестве несомненного лидера недавно присоединенных к Короне "русских земель". Об этом может свидетельствовать то, что его теперь ставят по значимости в один ряд с самыми влиятельными литовскими магнатами – М. Радзивиллом Рыжим и Я. Ходкевичем (см., например, [34, Р. 196]).

В то же время "источники" увеличения могущества и влияния для князя Константина-Василия были далеко не исчерпаны – впереди решение вопроса об острожском наследстве. Обстоятельства, сопровождавшие борьбу Острожского за воссоединение в своих руках отцовских владений, которую он вел на протяжении 40-х – начала 70-х годов XVI в., достаточно подробно описаны в литературе [11; 35]. Следует только отметить, что весной-летом 1574 г. князю наконец-то удалось объединить в своих руках весь огромный комплекс острожских владений. Таким образом, киевский воевода с середины 70-х годов XVI в. становится самым крупным после короля землевладельцем Речи Посполитой. В руках князя оказываются сосредоточенными

<sup>12</sup> Папроцкий, свидетельствуя, что изображение "мужа на коне" издавна было гербом Острожских, в то же время утверждает, что после бегства из Московского государства кн. К.И. Острожский, в знак того, что ни он, ни его потомки не будут служить московским правителям, "стер" этот герб и "другой себе нашел" [15. S. 449]. Это сообщение дополняет и уточняет А. Гваньини, сообщая, что литовский гетман, женившись на кн. А.С. Слуцкой, объединил свой старый герб с литовской Погонью, которой издавна пользовались Ольгердовичи Слуцкие [29. S. 192–193].

колоссальные материальные ресурсы, что позволяет ему значительно расширить сферу своей деятельности.

В первую очередь Острожский упрочивает свои позиции на Волыни и Киевщине, расправляясь с противниками вооруженным путем: он отнимает у влиятельного литовского магната стольника (затем полоцкого воеводы) М. Дорогостайского входивший в острожское наследство Черницкий монастырь [36. С. 406–409], а затем во главе двухтысячного войска осаждает Дорогостай [37, Вып. 2. С. 123–126]; разоряет имения своего давнего недруга волынского каштеляна М. Мышки-Варковского [37. Вып. 1. С. 468–469]; изгоняет из Киева многолетнего "справцу" воеводства кн. В.А. Збаражского и без санкции сената сажает там в качестве наместника своего сына кн. Я.К. Острожского [37. Вып. 2. С. 127] и т.п.

Все эти мероприятия князь безнаказанно проводил на протяжении 1574–1575 гг., т.е. в период второго бескоролья, когда было строжайше запрещено нарушать "посполитый покой". В событиях самого бескоролья Острожский по-прежнему придерживался выжидательной тактики, однако теперь появляются новые черты. Так, князь завязывает самостоятельные отношения с имп. Максимилианом II. В основе его прогабсбургской ориентации лежит материальный интерес – стремление войти во владение чешскими имениями Тарновских. Однако, в конце 1575 г., по неясным пока причинам, киевский воевода изменяет свою позицию: по мнению некоторых современников, именно в связи с отказом в поддержке со стороны князей Острожского и Слуцкого утратила свое влияние "партия", поддерживавшая эрцгерцога Эрнеста [26. S. 265]. Отход от проавстрийской позиции мог быть вызван и учетом антигабсбургских настроений волынской и, шире, южнорусской шляхты: в столкновении материальных интересов и необходимости сохранения влияния среди земляков победило последнее.

О расширении сферы интересов Острожского в этот период свидетельствует и начало его участия во внешнеполитических акциях Речи Посполитой. Первые сведения о попытках вовлечь киевского воеводу в молдавские дела относятся к 1570 г., когда господарь Богдан Александрович просил, через Сигизмунда Августа, руки дочери князя. Однако Острожский тогда отказал [38. S. 135, 139], не считая, видимо, себя достаточно сильным для такого шага. Но уже вскоре, успешно решив материальные проблемы, князь начинает проявлять интерес к молдавским делам. Влияние на это должны были оказать также и участвовавшие в начале 70-х годов XVI в. татарские нападения на Волынь.

Весной 1574 г. Острожский совместно с серадзским воеводой О. Ласким оказал военную помощь господарю Ивану Лютому (Ивонии) [39. S. 34], и одновременно попытался завязать контакты с бывшим молдавским господарем Богданом; вновь появились слухи о возможности брака Богдана с дочерью киевского воеводы [40. С. 222]. Знаменательно, что турецкое правительство со своей стороны также оценило силу и влияние князя Константина-Василия и предприняло неудавшуюся попытку склонить его на свою сторону: еще в 1573 г. великий визирь Мехмед Соколович говорил о возможности поддержки избрания Острожского на польский трон [11. S. 66], такую же идею высказал турецкий посол и в 1574 г.<sup>13</sup> Неудача антитурецкого восстания Ивана Лютого перечеркнула связанные с ним надежды Острожского, но не остановила князя: контакты с Богданом он продолжал и в 1575 г. [40. S. 222]. В то же время киевский воевода начинает играть все большую роль в организации отпора татарским нападениям на южные границы Речи Посполитой – фактически он возглавляет борьбу с татарами. Необходимость практически постоянного присутствия на границе объясняет, вероятно, незначительное участие Острожского в событиях бескоролья.

Вопрос о роли киевского воеводы в возобновившемся в конце 1575 – начале 1576 г. крупномасштабном наступлении казаков на крымские улусы и турецкие крепости

<sup>13</sup> Донесение нунция Дж. Дельфино от 1574.10.01 [41].

Причерноморья в литературе не решен, хотя ряд данных свидетельствует о возможности такого участия. Как бы то ни было, именно на владения Острожского был обращен главный удар татарских войск в 1577 и 1578 гг., когда были осаждены в первом случае Дубно, а во втором – Острог с самим владельцем. В последнем случае киевский воевода, фактически от имени правительства, заключил с ханом мир, позже санкционированный королем [42. С. 23]. Эти татарские нападения причинили владениям Острожского огромный ущерб, о чем, в частности, свидетельствует и Папроцкий [15. С. 453]. Это следует принимать во внимание, когда речь заходит о дорогостоящих инициативах князя Константина-Василия в области образования и книгопечатания.

Между тем Острожский не удовлетворяется только политическим лидерством. В его действиях конца 70-х годов XVI в. можно увидеть стремление и к духовному лидерству среди своих земляков.

Много писалось об отношениях князя Константина-Василия с православной церковью, о его активном участии в ее внутренней жизни, выразившемся, в частности, в фактическом назначении иерархов и т.п. Действительно, огромные богатства и заслуги предков обеспечивали Острожскому значительное влияние в этой сфере. Данные источников говорят о значительном, можно даже сказать качественном, по сравнению с предшествующим периодом, усилении внимания князя к делам Церкви. Однако, если сопоставлять эти данные с фактами 80–90-х годов XVI в., то следует признать, что роль Острожского в жизни православной церкви в 70-е годы XVI в. была все же относительно невелика. Ни о каком участии в процессе занятия епископских кафедр речь пока не шла<sup>14</sup>. В то же время, киевский воевода действительно совершил ряд практических действий в отношении церковных учреждений. В контекст борьбы за дальнейшее упрочение своего положения в южнорусских землях можно поставить попытку князя подчинить своему влиянию авторитетнейший местный религиозно-культурный центр – Киево-Печерскую лавру. Однако вмешательство в 1574 г. в борьбу между претендовавшими на архимандритство М. Хребтовичем-Богуринским и Сильвестром Иерусалимцем на стороне последнего оказалось неудачным: архимандритом, вопреки желанию Острожского, был утвержден Мелетий.

К началу 70-х годов XVI в. относятся и первые данные о церковной организации во владениях самого Острожского. С 1571 г. князь начинает выдачу игуменам своих монастырей жалованных грамот, письменно оформлявших различные привилегии, пожалованные еще его предками<sup>15</sup>. Представляется, что одним из мотивов этих действий Острожского могло быть желание документально оформить права своих церковных учреждений в условиях неопределенности положения православной церкви в сложившихся после Люблинской унии условиях.

В то же время можно отметить и факты, свидетельствующие о серьезном недовольстве князя Константина-Василия состоянием Церкви, грубыми нравами духовенства<sup>16</sup>. Так, он оказал содействие в наведении порядка в Туровской епархии тамошнему епископу К. Терлецкому, строго пресекая, по просьбе владыки, злоупотребления своих урядников [46. С. 110, 113].

Значительно ярче в данный период Острожский проявил себя в сфере культурно-просветительской деятельности. Именно ко второй половине 70-х годов XVI в. относится основание в Остроге учебного заведения и начало работы типографии. На фоне

<sup>14</sup> Известный в литературе эпизод, связанный с Турово-Пинским епископом Макарием Евлашевским, трактуется обычно неверно. Как следует из источника, Острожский не участвовал в его назначении на кафедру, а лишь воспрепятствовал ему войти во владение туровскими церковными именьями. В данном случае князь, вероятно, надеялся воспользоваться помощью сына епископа, адвоката Ф. Евлашевского, в процессе об острожском наследстве. После того, как эта помощь была оказана, Макарий был допущен в Туров [43. С. 135].

<sup>15</sup> См., например, грамоту от 1571.03.30 [44. С. 1270–1271].

<sup>16</sup> См. письмо кн. Острожского туровским священникам [45. С. 111].

разобщенных и относительно некрупных волыньских культурных центров, существовавших в имениях Загоровских, кн. Чарторийских и Корецких, а также кн. А.М. Курбского, Острожский проявил себя как инициатор совершенно нового для южнорусских земель дела. Вопрос о мотивах, которыми руководствовался князь Константин-Василий, начиная культурно-просветительскую деятельность, и вообще вопрос о степени его личного участия в ней, в литературе не решен. Причиной часто называются "сугубо личные мотивы", стремление "возвеличить свой род" [47. С. 13], говорится даже о "раздраженной спеси князя", позволившего опередить себя Г.А. Ходкевичу и львовским мешанам [48, S. 449]. Все эти мотивы могли играть свою роль, не исключено, что и значительную. Но возможно, что князь хотел предоставить землякам возможность для повышения своего культурно-образовательного уровня, недостаточность которого могла особенно выявиться в условиях усиления контактов с Короной. А это, в свою очередь, должно было поднять статус южнорусской шляхты в глазах более просвещенных польских и литовских собратьев. Приглашение им первопечатника И. Федорова и основание училища знаменуют первый шаг на пути превращения Острога в культурный центр южнорусских земель, а подготовка и издание в Остроге И. Федоровым Псалтыри и особенно Библии, поиск князем новых кадров для училища, которое в глазах его современников постепенно осознавалось как академия, а также попытка усилить свое влияние в Луцкой епископии, используя "духовные хлеба" для награждения работавшего в Остроге Ф. Грека свидетельствует о возрастании активности кн. Острожского в культурно-просветительской и церковной жизни. Венцом этой деятельности явились в начале 80-х годов переговоры с представителями папы, предусматривавшие возможность создания патриархии с центром в Остроге. При этом, конечно, создание в Остроге культурного центра способствовало и укреплению духовного авторитета его владельца, а издание в его типографии первой полной церковнославянской Библии делало имя Острожского известным всему православному миру.

История острожских культурно-просветительских учреждений весьма обстоятельно освещена в историографии [28; 49]. Для нас же важно, как оценивали эту деятельность князя Константина-Василия его современники. Г.Д. Смотрицкий в своем труде подчеркивает не столько кровное, сколько духовное родство князей Владимира и Ярослава с их потомком<sup>17</sup>: "Владимер бо свои народ кр(е)щением просветил, / Константин же б(о)горазумия писанием осветил... Ерослав зиданием ц(е)рк(о)вным Киев и Чернигов оукраси, / Константин же едину с(о)борную ц(е)рковь писанием взвыси". Сам Бог, утверждает Смотрицкий, избрал князя для этой деятельности, уготовив ему место среди избранных [30. Л. 7 об.]<sup>18</sup>.

В этих условиях немалую роль должна была сыграть и легенда о происхождении Острожского из династии почитаемого здесь "монарха и царя всей Руси" Даниила Галицкого, возникновение которой можно отнести, как мы постарались показать, именно к периоду после 1578 г. Принадлежность князя к роду законно по тогдашним понятиям коронованного правителя Галицко-Волыньских земель давала своеобразную идеологическую основу для его притязаний на политическое и духовное лидерство.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кулиш П.А. История воссоединения Руси. СПб., 1874. Т. I.
2. Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996.
3. Максимович М.А. Письма о князьях Острожских графине А.Д. Блудовой. Киев, 1866.

<sup>17</sup> На это обратила внимание Н.Н. Яковенко [9. С. 81].

<sup>18</sup> Отметим, что в Кракове, в архиве Сангушков, находятся две родословные князей Острожских. По мнению Т. Кемпы они происходят из кругов, близких к этому княжескому роду [11. S. 12]. Между тем эти родословные несомненно позднего происхождения и использовать их в качестве источника XVI – начала XVII в. оснований нет.

4. *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895; *Jabłonowski A.* Pisma. Warszawa, 1911. T. 4: Wołyń, Podole, Ruś Czerwona; *Halecki O.* Ostatnie lata Swidrigiełły i sprawa wołyńska za Kazimierza Jagiellończyka. Kraków, 1915.
5. *Баумgarten Н.А.* Вторая галицкая династия // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1909. Т. 9; *Баумgarten N.* Halich et Ostrog // Orientalia Christiana Periodica. Roma, 1937. V. 3; *Власьев Г.А.* Происхождение князей Острожских // Записки императорского генеалогического общества. СПб., 1906. Т. 2.
6. *Власьев Г.А.* Князья Острожские и Друцкие // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. IV.
7. *Ризуна J.* О pochodzeniu kniazia Fedka Nieświzkiego // Miesięcznik Heraldyczny. R. 4/1911; *Daniło ks. turowski, ostrogski i chełmski i jego potomstwo* // Miesięcznik Heraldyczny. R. 10/1931. № 11–12.
8. *Radziwiński Z.* W sprawie pochodzenia Fedka Nieświzkiego // Miesięcznik Heraldyczny. R. 4/1911; *Prochaska A.* Spór o Fedka Nieświzkiego // Miesięcznik Heraldyczny. R. 6/1913; *Semkowicz Wł.* Korybutowicze i Nieświzcy w świetle sfragistyki // Miesięcznik Heraldyczny. R. 6/1913.
9. *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993.
10. *Войтович Л.* Удільні князівства Рюриковичів і Гедеміновичів у XII–XVI ст. Львів, 1996.
11. *Кетра Т.* Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525–1608), wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej. Toruń, 1997.
12. *Krasiński J.* Polska czyli Opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI oraz materiały do panowania Henryka Walezyusza. Warszawa, 1852.
13. *Skarga P.* O jedności kościoła Bożego pod jednym pasterzem // Русская Историческая Библиотека. СПб., 1882. Т. VII.
14. *Paprocki B.* Gniazdo snoty z kąd herby rycerstwa sławnego królestwa polskiego, wielkiego księstwa litewskiego, ruskiego, pruskiego, mazowieckiego, zmużdzkiego, i inszych państw do tego królestwa należących książąt i panów początek swój mają. Kraków, 1578.
15. *Paprocki B.* Herby rycerstwa polskiego na pięciorku książ rozdzielone. Kraków, 1858.
16. *Dworzaczek Wł.* Paprocki Bartołomiej (Bartosz) // Polski Słownik Biograficzny. Wrocław, 1980. T. XXV.
17. *Ioannis Dlugossii Annales seu chronicae incliti Regni Poloniae. Liber 3–4.* Varsoviae, 1970.
18. *Niesiecki K.* Herbarz polski. Lipsk, 1841. T. VII.
19. *Strykowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemożdżkiego i ruskiego, przedtem nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia Księgi pierwsze etc. Warszawa, 1978.
20. *Wojtkowiak Z.* Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990.
21. *Strykowski M.* Kronika polska, litewska, zmożdżka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. T. I, II.
22. Полное собрание русских летописей. М., 1975. Т. 32; М., 1980. Т. 35.
23. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыковский и его "Хроника"). М., 1966.
24. *Улащик Н.Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
25. Akta unji Polski z Litwą, Kraków. 1932.
26. Relacje nuncjuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690. Berlin – Poznań, 1864. T. I.
27. Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie, Archiwum Radziwiłłów, Dział V, 11078, № 20.
28. *Мицько І.З.* Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636). Київ, 1990.
29. *Gwagnin A.* Z kroniki Sarmacyi Europejskiej, opisanie Polski, w. ks. litewskiego, ziemie Ruskiej, ziemie Pruskiej, ziemie Inflantskiej, ziemie Zmużdzkiej. Kraków. 1860.
30. Библиа сиреч книги Ветхаго и Новаго Завета по языку словенску. М., Л., 1988.
31. Русская Историческая Библиотека. СПб., 1903. Т. XIX; СПб., 1878. Т. IV.
32. *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
33. *Orzełski Ś.* Bezkrólewia książ ośmiorgo, czyli dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta roku 1572 aż do roku 1576. Petersburg-Mohylew, 1856. T. I.

34. Elementa ad Fontium Editiones. T. XLV: Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniae spectantia, XV pars. Romae, 1978.
35. *Przedziecki A.* Jagiellonki Polskie w XVI wieku. Kraków, 1868. T. II; Kraków, 1878. T. V.
36. Архив Юго-Западной России. Киев, 1911. Ч. VIII. Т. 6. № СХХХII.
37. *Малиновский И.А.* Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского. Томск, 1912. Вып. 2. № LXXXIII; Томск, 1901. Вып. 1. IV, № XLVII.
38. *Scriptores Rerum Polonicarum.* Kraków, 1872. T. I.
39. *Hurmuzaki E.* Documente privitoare la Istoria Romanilor. Bucuresci, 1886. Supl. I. Vol. 1. № LXVII.
40. *Флоря Б.Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-е годы XVI в. // Карпато-дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.
41. *Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ukrainae illustrantia.* Romae, Vol. 1. № 60.
42. Akta historyczne do panowania Stefana Batorego, króla polskiego, od 3 marca 1578 do 18 kwietnia 1579 r. Warszawa, 1881.
43. Дневник новгородского подсудка Федора Евлашевского (1564–1604) // Киевская старина, 1886. Т. XIV. Январь.
44. *Пероговский В.И.* Бывшие православные монастыри в г. Дубне // Волынские епархиальные ведомости, 1880. № 28–29.
45. *Дмитриев М.В.* Православие и реформация. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой. М., 1990.
46. Коллекція та архів єпископа Павла Доброхотова. Київ, 1992.
47. *Исаевич Я.Д.* Острожская Библия как памятник межславянских культурных связей // Федоровские чтения. 1981. М., 1985.
48. *Gębarowicz M.* Iwan Fedorow i jego działalność w latach 1569–1583 na tle epoki. Cz. II. Opiekunowie i współpracownicy // Roczniki Biblioteczne. Wrocław – Warszawa, 1969. R. 13. Zesz. 3–4.
49. *Исаевич Я.Д.* Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні, Львів, 1975; *Немировский Е.Л.* Иван Федоров (около 1510–1583). М., 1985.